

МИХ. ЗОЩЕНКО

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

■ ■ ■
БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 6 (921)
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
МОСКВА — 1936

И. В. БУССАЕВ

ЖЕНА ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

М. С. ТУРГЕНЕВ

СТИХОТВОРЕНИЯ
В ПРОЗЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

ВЯЧЕСЛАВ ШИШКОВ

РАССТРЕЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

АНДРЕ ЖИЗ

СТРАНИЦЫ
ИЗ ДНЕВНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

ВИЛАН БРЕДЕЛЬ

ШПИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

Г. Х. АНДЕРСЕН

СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

БРУНО ЯСЕНСКИЙ

МУЖЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

КЕНЯК ЗЕНД

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГАРЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

БРАТЯ ТУР

ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСТВО»
№ 1 (1962)
МОСКОВСКО-ЛЕНИНГРАДСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА - 1962

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

МОЯ МОСКВА

Журнально-газетное объединение
Москва — 1936

Ответ. редактор Ал. ДЕЙЧ

Выпускающий А. Гуревич

Издатель Журнально-газетное объединение

Изд. № 39

Уполномочен. Главлита Б—17 013

Зак. тип. № 858

Тираж 50 000

Статформ. А₄—105×148 мм. 1½ печ. л. Число зн. в 1 печ. л. 51 200

Книжка одана в наб. 14/XII—35 г.

Подп. к печ. 31/I—36 г.

Типогр. и цинкогр. Жургазобъединения, Москва, 1-й Самотечный, 17

Очень хочется записать все, что происходило, что я лично видел, чувствовал, переживал и что запомнилось мною на улицах Москвы за ряд лет.

Именно: на улицах, на площадях, в скверах, в парках, переулках, в домах.

Интересно: что получится, если собрать какую-то горсть фактов, явлений, впечатлений, прошедших через сознание одного человека?

Конечно, тут значительное густо перемежается с мелким и случайным, характерное для Москвы с характерным вообще для человеческой жизни.

Но так или иначе, пусть среди обильных и прекрасных литературных материалов о мировой столице революции, о центре новой эпохи, которые растут с каждым днем, будет и такая скромная книга.

Начну с Тверской улицы, которая теперь называется:

Улица М. Горького

Осенним вечером в шестнадцатом году около Страстной площади (теперь Пушкинская) поскользнулась на влажном асфальте и упала лошадь. (Этот участок Тверской, очень незначительный, был асфальтирован давно.) Лошадь упала набок, сразу, поскользнувшись передними и задними ногами.

Было около одиннадцати часов вечера — самый разгар проституционной биржи. С тротуара раздались свист, хохот, улюлюканье. На улице было полутемно. Запахло чем-то жутким, погромным. Со всех сторон неслась матерная брань. Лошадь поднимали. На тротуаре продолжались выкрики, смех, свист. Это было безмерно отвратительно. Это кричала, свистала и улюлюкала старая Москва.

В доме № 38 была «Центропечать». Работало много народу. Была девушка — веселая, жизнерадостная. Бешено неслась по лестницам со второго этажа на третий. Добрая. Всем оказывала услуги. Удивленный носик. Тоненькая. Голубые глаза. В двадцать третьем году на глазах у всех резко и прямо забрал ее угрюмый какой-то человек. Именно забрал. Когда он приходил, она немела. Увез. О ней долго помнили.

Она иногда наведывалась. Рожала каждый год по ребенку. Когда встречалась с товарищами — смущалась. Семь человек детей. Не много ли? Пыталась «оправдываться». Широкое зеленое провинциальное пальто.

В тридцать пятом году встретил ее на вокзале: толстая, цветущая, уверенная. Теперь хвастает количеством детей. Весело смеется — уверенная баба.

Около стояли двое ребят — голубоглазые, чудесные, как она в молодости.

В той же «Центропечати» работал Иван Терентьевич, который всегда начинал разговор с середины. Какие-то кусочки стен около Козицкого переулка, где он меня останавливал, до сих пор напоминают его:

— ...Они говорят, что футуризм исчезнет... Ну, конечно, исчезнет... Ну, что собою представляют эти треугольники из кумача, которыми они украшают площади? Конечно, это чепуха. Не в этом дело...

Или:

— ...Выдавать деньги... Ну, ясно, что здесь нужны две подписи... С одной подписью неудобно. А он говорит, что необходимо еще иметь какую-то визу... Какую еще визу?

Такого человека, который всегда начинает разговор с середины, можно вставить в комедию, в драму — это может быть смешно. Но Иван Терентьевич никогда не был смешон. Он не был ничем замечателен, а чем-то запомнился. Где он сейчас — неизвестно, но лик его живет около стен Козицкого переулка.

На углу Чернышевского — магазин «Гастроном». В девятнадцатом—двадцатом годах в нем было отделение Роста. В окнах были карикатуры, телеграммы, написанные на больших листах бумаги. Перед окнами стояли люди — в валенках, в сапогах, в шинелях, в пальто. Мерзли, читали.

Одно время была телеграмма: «Деникин под Орлом».

Читали молча. Расходились. Но к окну подходили другие.

Однажды один с большим мешком на плече (в мешке была мука) стоял и долго читал. Серьезно читал, забыв о тяжести на плече. Потом медленно ушел.

Вдоль тротуаров зимою снег лежал кучами. В

доме № 19 было какое-то общежитие. В нем жил знакомый. С семьей. Жгли ящики из комодов. Есть почти нечего было. Приятель заходил напротив, в кафе поэтов, и смачно ел картофельные пирожные.

Я его смутил однажды. Нечаянно спросил, почему он не отнесет пирожное домой, жене, детям. Покраснел. На губах жалко выглядели крошки. Но облизнулся и продолжал есть. «Свинство», — сказал я — не для того, чтобы еще более смутить его, а наоборот, чтобы резкой, чересчур преувеличенной оценкой факта мелкого эгоизма смячить — упрек, нивелировать его.

Вход в бывшее кафе Филиппова теперь с Глинищевского переулка. А был — с Тверской. Со времени нэпа, когда кафе это открылось, с этого входа классически выталкивали пьяниц и буянов. Много было драк. Запомнился высокий, с белокурой навивной хулиганской физиономией. Его вытолкнули, и он бил нещадно двух швейцаров, милиционера, извозчика, еще кого-то в зеленой шляпе. Исполинская сила. Что он вымещал с такой яростью? Ему, повидимому, пришлось «большой ответ держать» за столь большую «прелесть бешенства», как говорил Лев Толстой. Из этих дверей часто выталкивали. Пьяницы традиционно упирались — ногой в косяк. Еще запомнился один. Еле держась на ногах, деликатно грозился пальцем. Теперь иррациональную дверь сняли. Вход с переулка.

На Большой Дмитровке, где теперь театр Станиславского, была при нэпе оперетта. Как-то там занимали и сортировали статистов и статисток. Почему-то я там был и познакомился с одной из ста-

тисток — молодой девушкой. Никогда не забыть одухотворенного ее лица, тонких черт, легких движений. «Я очень пить хочу», — сказала она. В театре был ремонт, хаос, нельзя было найти воды.

Я предложил ей выйти на улицу. Мы завернули в Глинищевский переулок и вышли на Тверскую. «Где же вам напиток?» Я усиленно, но напрасно озирался — ни кафе, ни киосков не было. На углу продавали фрукты. «Я напьюсь соком, — сказала она. — Мне хватит яблока или груши».

И она утолила жажду грушей, так жадно и в то же время красиво прижимая губы к плоду. Затем улыбнулась... Где она сейчас? Так ли еще улыбается? Она торопилась. Она не принадлежала себе. Она была так озабочена. Попрощалась. Ушла. Оглянулась, и я помахал ей рукой.

Больше ее не видел. Иногда сейчас, на углу Глинищевского и Тверской в воздухе отпечатывается и нежным видением проходит ее образ — среди автобусов и такси.

Немного дальше, около аптеки (когда однажды сняли вывеску аптеки, то оказалось, что здесь жил портной), гордо подняв голову и медленно вынося вперед самодовольные, упрямые ноги, прошел мой враг... «Непримиримый» враг.

Я наблюдал его со стороны Моссовета. Он ненавидел меня. Мои рассказы, мои слова, мой голос... Я наблюдал его со стороны. Голова его была гордо и самодовольно откинута назад. Шляпа сидела на темени. Он мешал моей литературной работе... Ругал меня. При упоминании моего имени делал брезгливую гримасу. Чаще молчал — подчеркнуто мол-

чал. Как-то он объяснил мне, что если при упоминании о ком-либо упорно молчать, то это вреднее, обиднее, чем если ругать его... И этот метод он применял ко мне...

В тридцатом году вдруг заболел и умер. Когда я не очень спешу по Тверской и прохожу под часами Моссовета, то вижу его иногда около аптеки. Я не рад, что он умер. Личные враги очень серьезно не могут мешать в советской стране. Пусть бы жил, гулял бы со своей шляпочкой и важно выставлял бы свои самодовольные, неубедительные ноги...

Советскую площадь асфальтировали, кажется, в 1932 году. В полтора или два дня. По новому способу: клали асфальт прямо на булыжники. Площадь была прекрасна во время работ, особенно ночью (работали без перерыва): много людей, факелы, синий дым, машины.

Один из рабочих, пожилой, с седенькой щеголеватой бородкой, работая, явно рисовался перед любопытными, стоявшими у аптеки. Он работал упоенно, точно играл на сцене: щеголевато ворочал лопатой, ухарски закуривал.

Такой самый, точно так же, рисовался перед прохожими и артистически работал в Кутансе, тоже с лопатой, когда асфальтировали там в тридцать третьем году уличку недалеко от вуза. Может быть, это был именно он?

Дальше. Страстная площадь. По каким только направлениям она ни исхожена! Сколько событий — крупных и мелких! Сколько раз еще придется возвращаться сюда!

лир, он распознал в растолченном камне голубой берилл, а не алмаз, который был бы смертелен.

Вот, пожалуй, единственный случай, когда деньги не сыграли той роли, какая им была предназначена.

Но зато они сыграли ту же роль, но только для другого. Так что сияние денег от этого не померкло.

ТРЕХЛЕТНЯЯ НЕВЕСТА

1

История знает удивительное множество рассказов о любви.

Сначала для примера коснемся жизни высокого полета. Посмотрим, как происходила любовь у разных там графов, баронов и купцов первой гильдии.

Конечно, любовные истории там у них бывали. И случались даже всякие пылкие происшествия. Но в общем счете все это у них отравлялось коммерческими соображениями.

Так что, какого цвета любовь, они из-за этого не в точности представляли себе.

Вот прелестная историческая новелла, рисующая нам все, как оно у них было.

2

Во Франции при Людовике XV (1720 год) один спекулянт нажил себе темными аферами огромное состояние. Он всего достиг. И у него все было. Но

он еще захотел непременно породниться с самой наидревнейшей аристократической фамилией — у него мелькнула такая фантазия. И он со своим богатством, не зная никаких преград, решил выдать замуж свою дочку за обедневшего маркиза со знаменитой аристократической фамилией д'Уау.

А дочке его в то время было всего три года. А маркизу было лет тридцать. Причем обедневший маркиз, несмотря на крупнейшее приданое, вовсе не имел никакого намерения ожидать двенадцать лет.

Изящно разводя руками и сверкая золотым лорнетом, он, наверное, говорил папаше-спекулянту сильным голосом:

— Послушайте, я бы рад с вами породниться, и сумма меня вполне устраивает, но у вас невеста чересчур мала. Пущай немного подрастет, тогда будет видно — я, может быть, женюсь.

3

Но честолюбивый папаша пожелал немедленно стать родственником маркиза. Он тем самым, так сказать, хотел прикоснуться к высшей аристократии. И вот тогда он заключил с маркизом такой договор: он ежемесячно выплачивает маркизу огромное жалование до совершеннолетия невесты. Через двенадцать же лет маркиз обязуется жениться на ней. Но обручение должно состояться теперь.

И вот, в течение девяти лет маркиз аккуратно получал свое жалование и предавался всем радостям

жизни. А на десятый год молоденькая двенадцатилетняя невеста, заболев дифтеритом, скончалась.

Можно представить себе, какие слезы лил папаша-спекулянт. Во-первых, конечно, жалко девочку, а, во-вторых, подумать только, сколько денег зря ухлопано. И, конечно, нет никаких надежд получить с господина маркиза назад хоть частицу.

А тот, наверно, потирая руки, говорил огорченному папаше: дескать, насчет денег уж, конечно, сами понимаете. Раз девочка скапутилась — мое счастье.

В общем, как там у них было в дальнейшем, нам неизвестно.

По всей вероятности, сиятельный маркиз женился на какой-нибудь состоятельной старухе и потом спился.

А папаша-спекулянт наверно утешился на каком-нибудь торговом арапстве, которое с лихвой загладило его свадебные убытки.

ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ПЕРСИИ

1

Однажды персидский царь Камбиз (сын знаменитого Кира) сделал предложение дочери египетского фараона Амазиса II (529 год до нашей эры). Это предложение Камбиз сделал, не видя невесты. В это время разъезды и переезды были весьма сложным делом. И на поездку в Египет надо было затратить несколько месяцев.

А по слухам стало известно, что дочь египетского фараона отличается выдающейся красотой и миловидностью.

И вот могущественный персидский царь, отец которого завоевал почти весь мир, взял и послал предложение дочери египетского царя.

Фараон, чрезвычайно любивший свою единственную дочь, не захотел отпустить ее в неведомые края. Но вместе с тем он боялся оскорбить отказом владыку мира. И вот он тогда выбрал наиболее красивую девушку из рабынь и послал ее в Персию

вместо своей дочери. Причем, он послал ее как свою дочь, и для этой цели ей дали соответствующие указания.

История рассказывает, что Камбиз, женившись на ней, чрезвычайно полюбил ее, но когда случайно обман раскрылся, он безжалостно умертвил ее и, оскорбленный в своих лучших чувствах, пошел войной на Египет.

Это была, пожалуй, одна из сильнейших любовных драм, из которой можно видеть, как иной раз возникает любовь и как она заканчивается.

2

Ах, мы живо представляем себе этот драматический эпизод и этот трагический момент, когда раскрылся весь обман.

Вот они сидят, обнявшись, на персидской оттоманке.

— На низенькой скамейке стоят, представьте себе, восточные сласти и напитки — там, рахат-лукум, коврижки и так далее. Этаким толстенный перс с опухшими глазами в руках отгоняет мух от этих сладостей.

Персидский царь Камбиз, выпив стаканчик какого-нибудь там шери-бренди, с восхищением любуется своей прелестной супругой и бормочет ей разные утешительные слова: дескать «Ах ты, моя египтяночка... Ну, как там у вас в Египте?.. Папаша-фараон, наверно, тебя черезчур баловал. И вообще, как же можно тебя не баловать, когда ты такая у меня

душечка и я полюбил вас, моя дорогая принцесса, с первого своего взгляда за вашу царственную походку и так далее».

3

Тут или она понадеялась на свои женские чары или уже неизвестно что случилось в ее женском сердечке, только она, засмеявшись серебристым смехом, сказала, что вот, дескать, какой нелепый случай: дочка-то фараона существует сама по себе в Египте, а он вот, персидский царь Камбиз, без ума полюбил ее, ничего общего с дочкой фараона не имеющую. Он полюбил простую девицу из рабынь. Вот что делает любовь с сердцем мужчины.

Тут без содрогания нельзя представить дальнейшую сцену.

Наверно, он заорал диким голосом. Вскочил с дивана в одних подштанниках. С одной босой ноги туфля упала. Губы побелели. Руки трясутся. Колени подгибаются.

— Как?! — закричал он по-персидски. — Повтори, что ты сказала! Господа министры! Арестуйте нахалку...

Тут министры прибежали.

— Ах, ах! Что такое? Успокойтесь, ваше величество... Смотрите, туфельку с ноги юбронили, теряете королевское достоинство.

Но, конечно, не так-то легко успокоиться, поскольку громадное оскорбление нанесено самолюбию.

И вот вечером, после того как спешно отрубили голову несчастной египтянке. Камбиз, наверно, долго совещался с министрами.

Размахивая руками и волнуясь, он нервно ходит по комнате.

— Нет, какая сволочь египетский фараон, а? — восклицает он с возмущением.

Министры, почтительно вздыхая, качают головами и разводят руками, ехидно переглядываясь между собой.

— Что ж я теперь делать буду, господа, после такого оскорбления? Войной, что ли, мне пойти на этого негодяя?

— Можно войной, ваше величество.

— Только он, собака, забрался далеко... Египет... Африка... Туда чуть не год итти... На верблюдах, кажется, надо...

— Ничего, ваше величество... Войска дойдут.

— Я ее обласкал, — снова раздражаясь, говорил Камбиз. — Я ее принял, как египетскую принцессу, страстно полюбил, а это оказывается не то... Как же, господа! Что ж я — собака, что мне его дочка недоступна? Взял и подослал какую-то шушеру... А?

Министр иностранных дел, сдерживаясь от приступов внутреннего смеха, говорит:

— Главное, ваше величество, мировой скандал-с...

— Вот именно... Я же и говорю — скандал. Ай, ну что же я буду делать?..

— Главное, ваше величество, в мировую историю войдет, вот что худо... Дескать, Персия... Камбиз... Подсудобили барышню...

— Ай, ну что ты меня расстраиваешь, сукин сын... Сбирать войска... Итти походом... Завоевать и стереть весь Египет к чортовой матери...

В общем, Камбиз самолично двинул войска на Египет и в короткое время завоевал его. Однако престарелый и горемычный фараон Амазис к тому времени умер. А его племянник — Псаметих, не ожидая для себя ничего хорошего, покончил с собой.

Что же касается до злополучной царской дочери, то никаких следов о ее судьбе мы, к сожалению, в истории не нашли...

Один знакомый профессор истории, читающий лекции в университете, мне сказал, что Камбиз эту египтянку будто бы отдал в гарем одного из своих министров. Но, насколько это верно, мы не беремся утверждать. Но это, конечно, возможно. В общем, любовь рассеялась, как дым. Из чего видно, почему стоил фунт этого чувства.

СЛУЧАЙ С РИМСКИМ ПАПОЙ

1

Большим коварством между прочим отличались многие римские папы.

Особенно один из них уж слишком загнул в этой области. Но и то хорошо, что его коварство на этот раз не было чем-нибудь неприятным.

Он придумал удивительное коварство для достижения своей цели. Это был папа Сикст Пятый. Это ему такое имя дали при восшествии на папский престол. А так-то, до этого, его звали Перетта. И он был не папа, а простой кардиналишка из монахов.

И вот он находится в положении обыкновенного кардинала, и это ему все мало. Он еще непременно хочет стать римским папой. Еще чего. То есть он хочет быть папой, но не может. И прямо он от этого желания страдает и чуть не умирает.

А там у них это было не так-то просто — папой быть. Другие, может быть, тоже к этому стремятся. А наш герой — из простых монахов и не имеет особой протекции. Только что он не дурак.

И вот тут, как нарочно, умирает у них прежний римский папа. Может быть, Сикст Четвертый. Я, впрочем, не уверен в этом. И вот у них начинаются перевыборы.

Воображаю, какие понаехали. Шелковые рясы. Выступают медленно. Ручки пухлые. Морды лоснятся. И почти все кардиналы. Крапивное семя.

И вот наш герой, кардиналишка Перетта, тоже, конечно, поторопился сюда приехать.

Поглядел, может, на избранное общество и думает: «В таком виде, какой я есть, они, мерзавцы, навряд ли меня выберут. Дай, — думает, — я им устрою метаморфозу».

И с этими словами он является на перевыборы вроде как больной. Он охает, кашляет и ходит, сгорбившись. Поминутно хватается за грудку и при этом восклицает: «Вот, дескать, братцы, какой номер. Ослаб в высшей степени, серьезно хвораю и думаю скоро протянуть ноги. И, главное, прямо ничем не интересуюсь, до чего меня прищемило».

И сам говорит шопотом. С одышкой. И только у него, у подлеца, глаза сверкают, как у мошенника.

Другие кардиналы думают:

«Вот бы хорошо в самом деле такого слабенького папу выбрать. Он тихий, болезненный, все время хворает. Очень будет милый и застенчивый папа.»

И он навряд ли будет во все входить и всех подтягивать. А то, ей богу, другого выберешь, — он тебе навернет. Нет, непременно надо этого выбрать».

И с этими словами они его выбирают.

Историки говорят, что сразу после избрания, почти немедленно, произошла чудовищная перемена. Кардинал выпрямил стан и заговорил с собравшимися таким резким и суровым тоном, что привел всех в трепет.

И он пять лет был папой. И он весьма сурово вел дела. Он во все вникал и всех тянул. И даже казнил двух кардиналов. И сам был здоров, как бык. Так что все вскоре убедились, что он их чертовски надул.

В общем, когда он умер, обозлившиеся церковники сбросили его статую с пьедестала и разбили ее в мелкие дребезги. И это, говорят, был в некотором роде единственный случай, что разбили статую.

Наверное, он, собака, сильно им всем насолил. Но это был, в общем, большой психолог. Молодец.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ЦЕРКВИ

1

Согласно утверждению историков, королей, вообще говоря, довольно часто убивали.

И в этом ничего особенного не было.

Но однажды был исключительно интересный случай. Однажды церковники одного своего короля в церкви убили. Они ему яд в причастие подсыпали. Когда тот, как говорится, исповедался и причащался.

И это был один из удивительнейших церковных номеров — подсыпать яд в причастие и дать человеку, который, может быть, заскочил в церковь с самыми благими и божественными намерениями.

В общем, они его отравили таким поразительным способом. А это был, между прочим, германский император Генрих Седьмой. Там у них было, если помните, несколько Генрихов. Собственно, значит семь... Генрих Птицелов. Он, вероятно, любил птиц ловить. Скорей всего надо предполагать, что это была какая-нибудь порядочная балда, что он за птицами гонялся, вместо того чтоб страной править.

Потом был у них такой Генрих Мореплаватель. Этому, наверное, нравилось любоваться морем. Или он, может быть, любил посылать морские экспедиции. Впрочем, он, кажется, правил в Англии или в Португалии. Где-то, одним словом, в тех краях. Для общего хода истории это абсолютно неважно, где находился этот Генрих. А что касается Германии, то там кроме того были еще какие-то маловыдающиеся Генрихи. И, наконец, этот наш несчастный труженик — Генрих Седьмой. Он правил Германией еще значительно до фашизма. Он был у них императором в четырнадцатом веке.

2

И он ничего особенного из себя не представлял. Единственно, он, говорят, пугался, как бы современники его не убили. И в этом смысле он сильно остерегался. Так что мы их, то есть церковников, вполне понимаем, что иначе, как в церкви, его и нельзя было взять. Так что, по-своему, они и правы. Потому что дома он давал еду попробовать повару и приближенным. И, наверное, кроме того со специальной целью у него под столом собаки находились. И он, может, по временам бросал им огрызки, чтоб удостовериться, правильная ли еда.

Ну, а в церкви он, естественно, не мог на этот счет тревожиться. Он был абсолютно спокоен. И он, наверное, глотнул причастие без всякого сомнения. Он, наверное, его пил с большим удовольствием. Может быть, он даже подумал: это, мол, единствен-

ное местечко, где я, не тревожась, пью и кушаю. Не начать ли мне, думает, вообще в храмах закусывать. Сейчас, думает, питье долью и просвиркой закушу. Славно.

Но не тут-то было. Только он выпил и только он хотел облаткой заесть, как вдруг зашатался, поbledнел и, как говорится в священном писании, упал с катушек долой.

3

И, наверное, упавши, сердито на попов взглянул. Дескать, что ж это вы, господа, обалдели? Неужели у вас хватило нахальства подсыпать чего-нибудь мне в причастие? Вот так номер.

И, вздохнувши раз-другой, скончался, увидев всю несостоятельность христианской церкви. Но было уже, к сожалению, поздно.

Попы, наверное, вскрикнули от удивления. Которые, конечно, не знали, в чем дело, и которые, может, сами хотели допить причастие и докушать просвирки. Но теперь забоялись это делать.

А которые знали, те, конечно, потирая руки, вприпрыжку побежали докладывать об этом кому следует.

И только потом историки откуда-то узнали, что яд в причастие велел подсыпать папа, который не ладил с этим императором.

Вот какой это был арапский случай из церковной жизни. А наш скромный Генрих так и помер. И даже ничего путного не сказал потомству,

НЕРОН И ЕГО МАМАША

I

Исключительным коварством отличался, между прочим, прославленный император Нерон. Вот этот вообще шел на любые поступки для достижения своих целей.

Но особенное коварство он проявил в отношении своей матери. Он непременно хотел убрать с дороги свою царственную мамашу, которая его резко осуждала и вмешивалась в политику. Он хотел ее убить, но это ему не удавалось. Она была в высшей степени увертливая и живучая особа. И даже, всецело понимая каторжный характер своего сына, она, по словам историков, всякий раз принимала перед едой противоядие, так сказать — на всякий пожарный случай.

Особа была во всяком случае опытная и себя в обиду не давала. Так что просим читателей особенно ее не жалеть, когда речь дойдет до происшествия.

В общем римский историк Светоний рассказывает,

как Нерон велел сделать в ее комнате потолок, который мог бы обрушиться на старуху.

Вот как пишет Светоний. И это поразительно читать:

«Он устроил в ее спальне потолок с обшивкой, который с помощью машины можно было обрушить на нее во время сна».

2

Можно представить, каков был разговор при заказе этого потолка.

— Не извольте беспокоиться, — говорил подрядчик. — Потолок сделаем — просто красота. Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество!

— Да гляди, труху у меня не клади, — говорил Нерон. — Гляди, клади что-нибудь потяжелше. Легкая труха ей нипочем. Знаешь, какая у меня мамаша!

— Как же не знать, ваше величество. Характерная старушка. Только какая же может быть труха! Ай, ей-богу, интересно, ваше величество; я особо большой камушек велю положить в акурат над самой головкой вашей преподобной маменьки.

— Ну, уж вы там как хотите, — говорил Нерон, — но только чтоб — раз — и нет маменьки.

— Не извольте тревожиться. Считайте, что ваша маменька уже как бы не существует на этом свете. Не успеют они на-днях проснуться, как на них потолок — кувырк. И вообще-с, несчастный случай,

вроде землетрясения. Никто не виноват, и маменька, между прочим, больше не присутствует. Ай, ей-богу, интересно вы придумали, ваше величество.

— Ну, ладно, ладно. Поменьше, дурак, языком трепли.

3

Но подрядчик оказался слишком энтузиастом своего дела. Он так кругом раззвонил об этом заказе, что слухи дошли до ушей царственной мамыши, которая, конечно, разгневалась и оскорбилась и тотчас покинула гостеприимный дворец.

Однако Нерон на этом не успокоился.

Он тогда срочно приказал командующему флотом заманить свою мамашу на особый разборный корабль. Причем корма этого корабля была устроена таким образом, что она могла внезапно отделяться и все находящиеся на ней падали в воду.

И старуха, которая хотела подальше удалиться от своего сына, с удовольствием, конечно, воспользовалась любезным приглашением и сдуру села на этот корабль.

И вдруг она вскоре очутилась в воде. Можно представить, какой поднялся визг и крик. И какая вообще была неожиданность кувыркнуться в воду. Тем не менее, привыкшая благодаря сыну к походной жизни старуха и тут не потеряла голову. Она начала плавать и нырять и, хватаясь за деревянные части корабля, все-таки удержалась на морской поверхности.

А близкие друзья этой старухи вскоре подоспели и вытащили ее на берег.

И тогда она вместе с ними скрылась в одном из загородных дворцов.

Но вскоре неутомимый Нерон пронюхал, где она находится, и подослал туда наемного убийцу. Там ее и убили.

Вот это какой был коварный подлец. Впрочем, мамаша его была не менее подлобага, а потому, повторяем, жалеть ее, так сказать, не приходится.

ГУНТРАМ и АВСТРАХИЛЬДА

I

Теперь прослушайте исторический рассказ о бедственном положении медицинских работников в Европе.

Конечно, медикам, вообще говоря, никогда особенно сладко не жилось. Но тут было, как говорится, «что-нибудь особенное».

Только это было, конечно, очень давно. Это было в шестом веке. Так что просьба не удивляться собственным именам, которые целиком правдивы и не выдуманы.

Жену короля звали Австрахильда. А короля — Гунтрам. Он был король в Бургундии. И, согласно утверждения историка, он был сыном меровингского короля Хлотаря Первого. Вот какие, между прочим, были короли на заре европейской жизни.

Так вот эта супруга бургундского короля мадам Австрахильда начала последнее время что-то хворать. У нее было, повидимому, какое-то внутреннее заболевание, поскольку лучшие врачи того времени

терялись и не могли определить, что именно у нее есть.

Но тем не менее ее как-то там лечили. Хоть она была отчасти недовольна этим лечением и за полтора года она переменяла девять врачей, тем не менее ей все делалось хуже, и, наконец, она стала умирать.

Собрались, конечно, родственники у ее изголовья. Ее дети. Король бургундский Гунтрам тоже пришел.

Начал ее, наверное, утешать: дескать, что же делать, потерпите. Бог дал, бог и взял. Ничего, дескать, похороним пышно. Нет ли вообще каких-нибудь у вас последних земных забот, просьб или приказаний.

Она ему говорит:

— Да, у меня кое-что есть из земных забот. Меня лечили девять врачей. Однако я теперь, как видите, умираю. Я, говорит, прошу вас, ваше величество, в тот день, когда я умру, отрубите им головы. И это есть мое последнее пожелание.

2

Историки не приводят слов, которые сказал Гунтрам в ответ на эту супружескую просьбу. Весьма вероятно, что он, пожав плечами, сказал:

— Пожалуйста. Об чем речь. Сколько там у вас их было? Ах, только девять. Да сделайте одолжение. Очень рад. Что же вы раньше-то молчали?

Австрахильда говорит:

— Да как-то так... Надеялась, что это порядочные люди и что они меня вылечат, а они вот куда загнали — я теперь, как видите, умираю, наверно, через этих врачей.

— Не знаю, как вы, — сказал Гунтрам, — а я их на пушечный выстрел к себе не подпускаю. Это вы дали маху.

Австрахильда говорит:

— Вот я теперь и прошу вас отрубить головы у этих медицинских работников.

Гунтрам говорит:

— Просьбу вашу, конечно, исполню. Что другое — не знаю, а это сделаю с превеликим удовольствием. Даже я жалею, что вы за такое малое количество людей просите. Может, хотите пристегнуть сюда еще чего-нибудь, например, ваших сиделок, и которые за вами убирают.

3

Австрахильда говорит: — Пожалуй. Можно и их. Они тоже, конечно, дурака валяют.

В общем, король и нежный супруг исполнил это последнее желание.

Австрахильда умерла вечером, а утром, на рассвете, девяти злополучным врачам отрубили головы перед королевским жилищем.

И это был в свое время, надо полагать, довольно тяжелый удар по медицине.

И это, конечно, произошло оттого, что королева, наверное, сильно разочаровалась в медицине, что было вполне естественно в ее критическом положении.

А главная причина была несомненно в том, что королева была мстительная особа и ум имела в высшей степени коварный и озлобленный.

В общем, как бы там ни было, врачи снова сомкнули свои поредевшие ряды и снова мало-помалу стали лечить, уже не встречая подобных пациентов. Но кое-что вроде этой пациентки все-таки иной раз в прежние времена бывало.

РОКОВЫЕ ИМЕНИНЫ

I

Интересный случай неудачи испытал на себе знаменитый и прославленный римский папа Борджиа Александр VI (умер в 1503 году).

Не будем его здесь описывать. Всем известна его отрицательная личность. Отметим только, что подобные оригиналы и мошенники не раз бывали на папском престоле. Но этот был особенный. Он прямо как с цепи сорвался.

Главное, что всех нас в этом папе поражает, — это его любовь к убийствам. И он вообще ни перед чем не останавливался в достижении намеченных идеалов.

Это был, вообще говоря, довольно сильная личность. И он итальянскому народу очень много крови испортил своим бурным поведением.

У него вдобавок был еще сын Цезарь. Тот совсем был мошенник и вор. Так что они оба два — папа с сыном — на пару, так сказать, лихо поработали там у себя, в Риме...

Вот, вообще даже не понять. Эпоха Возрождения. Рафаэль все-таки. Микель-Анджело. Леонардо да Винчи работал, между прочим, у этого папы. И наряду с этим — такой исключительный папа.

2

Да, так вот в католической церкви происходили тогда некоторые волнения. Папа хотел объединить всю Италию под своей божественной властью. А другие стеснялись и не хотели этого. Вот Александр VI и горячился.

И он, главное, хотел устранить двух кардиналов, которые ему мешали. Он подсылал убийц, но из этого ничего пока не выходило. Тогда он пригласил их однажды к себе на именины. И тем отказать уже было неловко. Все-таки папа.

И они, конечно, приехали.

А папа только этого момента и ждал. Он их решил отравить за ужином. И он в вино подсыпал какой-то сильный египетский яд.

И, чтобы у гостей не было сомнения, это вино в четырех одинаковых золотых бокалах принес на подносе кто-то там из лакеев. Какой-нибудь там мажардом. Торжественно, может быть, внес этот поднос в столовую. И папа любезно сказал: «Вот, дескать, друзья, нас тут — раз, два, три, четыре — вы юба и мы с сыном. Давайте же поздравим друг друга с именинами и выкушаем этот искрометный напиток».

Или он чего-нибудь вроде этого сказал. И подмигнул лакею — дескать, обноси, дурак, и становись перед каждым по их бокалу.

А надо сказать, что два бокала с отравой были чуть-чуть побольше в высоту. А которые два поменьше — те содержали в себе чистое вино.

А лакей, дурак, запарившись, перепутал и сунул кардиналам более маленькие кубки. А более возвышенные бокалы, конечно, схватили для себя папа с сыном.

Но папа-то еще понятно. Папа только отдал распоряжение и не знал, куда они всыпали отраву. Он на своих понадеялся. Но насчет сына Цезаря — это прямо изумительно. Он сам засыпал яд и вдруг в последнюю минуту позабыл приметы. И потащил к губам отравленный напиток.

И папа, глядя на него, тоже за ним потянулся. И кардиналы с ними чокнулись.

В общем факт, что все четверо выкушали это вино. И вдруг у папы с сыном моментально глаза на лоб полезли. Сын говорит: «Папа, знаешь, кажется, мы ошиблись».

Кардиналы им говорят: «Что, дескать, с вами, папа с сыном?» Но те произносить слова не могут. И падают. И сын падает. И папа к чорту под стол сползает.

Драма, конечно, скандал. Крики. И сразу все разъяснилось. Кардиналы задрожали задним числом. Стали на потолок зыркать и креститься о чудесном спасении. После чего подбежали к папе, но тот уже тихо лежит кверху брюхом и дышать не может.

А его сын, этот бешеный Цезарь, даром, что он тоже свое вино вылакал, все-таки, благодаря, может быть, своей молодости и нахальству, вскочил на ноги и пулей бросился куда-то там такое. Он ментально отыскал противоядие, принял его. Его хорошенько вырвало, прослабило, и он остался жив всем на удивление. После чего его хотели отдать под суд, но он сбежал за границу. И жил там исключительно хорошо, покуда вскоре не умер. Его там, кажется, наконец, убили. Так что он достиг все-таки своей настоящей планеты.

А папа так и умер на месте. Вот это была не-удача. Дурак какой.

ЗАБАВНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

1

Римский император Тиберий сначала был ничего себе. Довольно приличный человек. То есть в своей молодости он был даже приятный человек. Во всяком случае не был подлец. Но под конец он испортился. У него голова от власти закружилась. И он наделал чертовские дела по своей жестокости. Его в Риме очень не любили. Но он на это плевал. Он сказал такую историческую фразу: «Пусть ненавидят, лишь бы подчинялись».

Но тем не менее в своей молодости он был ничего себе человек. Он даже, как отмечает история, горел лучшими намерениями. Особенно, когда он был еще консулом. У него тогда были разные планы. И он любовно относился к людям. Как-то гуманно.

2

И, будучи в хорошем, чувствительном настроении, он однажды сказал за обедом:

— Вот, дескать, господа, мы пользуемся всем на

свете и отличаемся хорошим здоровьем. А многие несчастные, может быть, тем временем хворают и умирают. Как это нехорошо. Я бы, говорит, хотел им посочувствовать. На-днях, говорит, я непременно объеду все больницы и поговорю с больными — кто в чем нуждается. Я, говорит, хочу прикоснуться к страданиям, чтобы хоть немножко облагородиться.

Тут окружающие, наверно, заплодировали. Дескать, какое сердце, какие поступки, — человек ездит по больницам и наблюдает разные там язвы и лишай, будучи консулом.

Тиберий говорит:

— Ну, что вы! Отчего же! Я даже завтра могу поехать.

И вот он, распаленный в своих лучших чувствах, действительно решил завтра же объехать все больницы.

Однако окружающее начальство, желая угодить Тиберию и желая доставить ему поменьше затруднений при подобном осмотре больниц, решило упростить это дело. И был отдан приказ — собрать всех больных в городском саду и разложить их там по роду их болезней.

Что, по словам римского историка Светония, и было на другой день исполнено.

3

Можно представить, какое волнение поднялось в больницах, когда пришло подобное распоряжение.

Многие заведующие больниц бросились, конечно,

куда-нибудь там в ихнее управление. Начали доказывать. Горячиться. Дескать, что это не представляется возможным. И где же транспорт взять и так далее. И тем более многие больные у нас довольно плохо себя чувствуют — они хворают. А кое-кто плохо даже передвигается. Которые ослабшие или с тифом. Как же так, господа, взять их и всех, что ли, свалить в сад? Или что? Объясните распоряжение. Конечно, если вы настаиваете. Мы не возражаем. Тем более, если это приказ, то мы понимаем, что его надо исполнить.

В общем медицинские работники, вздыхая и шипя и перекидываясь обывательскими фразами, бросились назад по своим больницам и стали там готовить больных к передвижению.

И вскоре под барабанный бой двинули их к городскому саду. Где и стали всех располагать там по группам. Или, как Светоний говорит, — по роду заболеваний.

То есть, наверно, чахоточных посадили с чахоточными. Подагриков к подагрикам. А ревматиков живописной группой расположили под деревом. А хворающим воспалением легких велели лечь около бассейна, чтобы они могли освежиться и утолить свою жажду. И так далее.

Засим все стали ожидать. Заиграла музыка. Подагрики и роженицы подтянулись и выглядели молодцами. И, наконец, раздались голоса: «Несут». И Тиберий, окруженный друзьями, сияющий и молодой, предстал перед трепещущей медициной.

К чести его надо сказать, что эта живая картина в городском саду ему не понравилась.

То есть, сначала он от изумления двух слов не мог произнести.

Один из начальников говорит:

— Собрали их всех в саду-с, чтоб, так сказать, вам не трепаться по разным учреждениям.

Тиберий говорит: — Да, но как же так, господа?.. Собрать их всех в одну кучу... Как-то странно.

— Отчего же странно. Собрали-с в одну кучу, чтоб, так сказать, вы могли бы сразу лицезреть, что к чему.

Тиберий говорит: -- Да, но, может быть, они не хотят этого... Может быть, они больные. Вон как они у вас болезненно смотрят.

— Отчего же не хотят. Они очень хотят. Только они перед вами стесняются. Вот они и смотрят слегка болезненно. А так-то до вас они у меня тут диски кидали. И хоть бы что.

Тиберий говорит:

— Да нет, я ничего не говорю, только почему они такие бледные? Что они больные у вас, что ли?

— Хворают. Вот они и побелели. А так-то они ничего еще. Крепыши.

Тиберий говорит:

— А врачи-то что же говорят?

— А врачи прямо на седьмом небе от удовольствия. Они говорят: сколько лет ждали, чтобы это, наконец, было — и вот это случилось. Они выражают вам благодарность за это решение. Они говорят, что только после этого они почувствовали настоящее внимание к медицине. А то прямо находились все равно, как сироты. Тосковали. И вдруг теперь могут отыграться. А в крайнем случае можно, конечно, отдать распоряжение, чтобы они обратно возвращались. Если вы уж насмотрелись на картины человеческого страдания.

Тиберий говорит:

— Пойду, что ли, извинюсь перед больными.

И, подойдя к больным, стал перед ними извиняться за излишество, допущенное со стороны начальства.

И, по словам историка Светония, «он даже извинился перед людьми маленькими и неизвестными».

В общем, снова загремела музыка. Больные подтянулись. И наш Тиберий, покачивая головой и вздыхая, вышел из сада в сопровождении восхищенных друзей.

С крыши храма христа-спасителя, которого теперь нет, ливнем летели пули...

Велика борьба за каждый дюйм нового города, новой страны, новой жизни.

...Не так давно здесь, на мосту, в летний жаркий день стоял иностранец, каких много в Москве, и смотрел в бинокль на новый дом, на огромный дом. Несомненно, он и раньше обозревал Москву с балконов и окон гостиницы, с тротуаров улиц и площадей, с фордов и линкольнов.

Он не выпускал из рук путеводителя, почти не отнимал бинокля от глаз, точно так же, как и его спутница.

О чем он говорил? Для этого не было надобности подходить близко. Он экзальтированно указывал пальцем на мостовую. Он широко разводил руками. Несомненно, он говорил то, что говорят очень многие — и свои и чужие. Он говорил:

— Позвольте, ведь совсем недавно на этой улице не было асфальта. Я сам проезжал... Тут были булыжники, а теперь...

— Совершенно верно. Только вчера здесь покрыли мостовую асфальтом.

Улица, действительно, была только что закончена. На перекрестке немногочисленные рабочие складывали свой трудовой инвентарь, а девушка в красной косынке еще доглаживала бетонным прессом последние метры.

Под бетонными валами еще дожимались в судорогах гнусные булыжные выбоины.

Теперь на этой улице, как и на других, лежит ровный серый, так красящий город асфальт. До-

ма выглядят наряднее. Колеса машин мягко катятся по темноватому прорезиненному следу.

В другом месте, перед высоким новым домом тоже стоял иностранец, и тоже в удивлении спрашивал:

— Откуда появился огромный дом?.. Ведь его не было. Я был тут недавно...

— Совершенно верно. Здесь был забор, вы проходили по улицам и видели театральные афиши, которыми он был заклеен... Теперь же дом готов, забор снят...

И еще спрашивали люди в других местах:

— Позвольте, какая это улица? Ведь контуры совсем другие?!

— Совершенно верно, Москва поднялась больше, чем на полторы тысячи этажей... Эта улица надстроена...

...Здесь скоро нельзя будет узнать берегов реки. День и ночь идет работа. Берега бетонируются. Уже сейчас с трудом можно вспомнить невысокие ее зеленые и каменистые берега, в жаркие дни обсыпанные голыми телами купающихся и отдыхающих.

Уже не видно классически согнутой под прямым углом женской фигуры, полощущей белье...

...На рабочем собрании стоит вдохновенный строитель Москвы Лазарь Моисеевич Каганович — и говорит. О чем говорит он? Об огромных ассигнованиях на дворцы? На набережные? На метрополитен? На неслыханную прокладку новых проспектов?

Да, он говорит и об этом. Но одновременно он говорит — слушайте! слушайте, о чем он говорит!—

очень внимательно, вдумчиво он перечисляет меню в рабочей столовой завода отопительных приборов имени Войкова.

— Обед, — говорит он, — стоит тридцать восемь копеек, меню — щи краснофлотские, лещ жареный с картофелем, пирожное. Обед за шестьдесят копеек — суп-рассольник рыбный, лещ-миньер, пирожное.

О чем еще говорит он?

Он говорит об обслуживании ночных смен. Затем опять — очень внимательно и четко, как всегда, — говорит о приобретении вешалок, плевательниц, чайников, урн, простынь.

Он сообщает, что в таком-то общежитии удалось снизить цены на стирку кило белья, что в другом общежитии увеличили штаты уборщиц и проинструктировали их.

И опять, так же внимательно и серьезно, говорит, что за три месяца в рабочем поселке построили четырнадцать мусорных ящиков, столько же помоек, во все бараки провели водопровод, электрическое освещение, устроили шлаковые дорожки и выравнивали земляные площадки.

И еще он говорит, что отстроили большой хлебный ларек и нефтелавку и успешно убрали овощи с прилегающих огородов.

И еще говорит он об очередях, о том, почему где-то была очередь, когда в большинстве учреждений их уже нет, говорит о комнатках, в которых живут по две семьи, и рассказывает о печке с неправильным дымоходом...

...Хочется сказать: «Уважаемый интурист, вы лю-

буетесь проспектами новой Москвы, метрополитеном, новыми дворцами и домами? Вы правы — город будет неузнаваем, но понимаете ли вы, в чем новизна этого дела? Понимаете ли вы, что в Москве перестраивают набережные, сносят сотни домов, строят невиданные дворцы, строят комфортабельнейший метрополитен, но одновременно с той же страстью, с тем же упорством, с тем же энтузиазмом следят за тем, как в рабочих столовых моют ложки и вилки. Ходят в квартиры, в комнаты, в переулки, в поселки, борются за ремонт, ликвидируют бараки. Понимаете, ли вы, уважаемый интурист, что основная забота пролетарского государства — это разнообразная и внимательная забота о живом человеке, о трудящемся?.. Понимаете ли вы, что этого-то нет нигде во всем мире?..»

...Нам позвонили в редакцию и спросили: не желаем ли мы летать на новом самолете «Сталь-2»? О, с удовольствием, мы желаем летать над Москвой в любое время. Мы желаем ходить по ней и ездить на всех видах транспорта (за исключением похоронного грузовика). О, мы всегда готовы любоваться Москвой и наслаждаться ею и в воздухе, и на земле, и в чудесных подземных ее анфиладах...

...Уже не помню, какой это был завод, но это был большой завод, окруженный забором, и к нему стекались три улицы, и, конечно, рабочим нужно было обходить «кругом» — и в плохую и в хорошую погоду, — «ходить кругом» для того, чтобы попасть в какие-то «главные» ворота. Основная масса рабочих приходила со стороны окраины, но нужно

было «ходить кругом», — этот излюбленный лозунг комендантов красовался на заборе. И вдруг — это так четко было видно с самолета — совсем с другого конца входили рабочие на этот завод. Кто приказал прорубить новые ворота?

Человек, сидевший рядом со мной в машине, пригнулся к моему уху и сказал: «Лично Каганович». И я любовался этим заводом, так четко все это было с высоты, так ярок один из бесчисленных примеров внимания к трудящимся Москвы...

...По обе стороны реки, на обоих берегах, кипит работа.

...Что было здесь раньше?..

...Опять велосипед. Этот велосипед носил меня по всей Москве. В памяти ярко стоят ямы и рытвины на бульжных мостовых, которые объезжал я и о которые спотыкался верный стальной товарищ. Еще до сих пор иногда кажется и мне и многим другим московским велосипедистам, что рытвины эти и ямы где-то еще существуют под покровом асфальта...

Не раз я мчался и по неровным берегам реки в этих местах, по свалкам.

Сейчас невозможно себе представить, что на месте Парка культуры и отдыха были сплошные свалки. Десять с чем-то лет назад здесь я познакомился с веселым человеком, выдумщиком. Чего только он ни выдумывал! Как у каждого выдумщика, у него не все бывает гладко, успех чередуется с неуспехом, но он вечно бодр, жизнерадостен.

Совсем недавно мы обедали с ним в одном ре-

сторане. Он делился веселыми своими выдумками. Приятно было смотреть на это плотоядное и живое лицо. Приятно было утомляться от бесконечных его проектов и планов. Между прочим, он собирался учредить «Клуб советских миллионеров». Кто же эти «миллионеры»? Это те, которые путем экономии, рационализации и изобретательства сэкономили советскому правительству не меньше миллиона. Вот это и есть советские миллионеры...

Мне было весело слушать этого человека, и голос его, и бодрые жесты, и лицо веселое, как у Бахуса, запомнились на фоне большого и узкого зала. Но я уехал из Москвы на месяц — всего на месяц, — и когда вернулся и хотел зайти в ресторан, то... не было не только ресторана, не было и дома, в котором находился ресторан. Вместо дома была ровная чистая площадь, и синий воздух голубел на том месте, где красовался большой дом. Ах, вот тут мы обедали на третьем этаже, приблизительно вот в этом месте, и на этом месте, повторяю, была голубая пустота, и радостный ветер проносился над новой, красивой площадью...

Настоящая книжка — глава из большой книги о Москве. В большой книге, которая будет закончена в ближайшие год-два, материал, собранный по тому же принципу, именно: на основе взаимоотношений **одного человека** с великим городом, — будет сосредоточен на следующих территориальных и иных объектах:

Улица М. Горького
Красная площадь. Парад
Просто Красная площадь
Спуск к реке
Кремль
Речная магистраль
Мосты. Набережные
Улица Кирова
Площадь Свердлова
Большая Дмитровка
Малая Дмитровка
Сокольники
Крымский мост
Арбат
Отдельные переулки
Завод имени Лепсе
Вокзалы
Ростокинское шоссе
Трубная площадь
Сретенка
Колхозная площадь
Театры
Музеи
Парки культуры и отдыха
Наблюдения над прохожими Москвы

Прохожие на разных улицах и переулках
Биографии домов
Обезы Москвы: на велосипеде, на лодках, на парходах, на извозчике, на автомобилях
Полеты над Москвой на разных самолетах
Метро
Клубы Москвы
Научные учреждения. Литература
Зоологический сад
Гостиницы
Динамо
Электрозавод
Шарикоподшипник
ЦАГИ
Различные участки Москвы через 5—10 лет (фантазии)
Окрестности Москвы
Дороги.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

ВЫШЛИ В СВЕТ:

- А. Серафимович. Сережа
Ю. Барт. Песни
Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи
Х.-Э. Ривера. Пучина
М. Твэн. Похищение белого слона
Вольтер. Вавилонская принцесса
Л. Муссиак. Суббота 15 апреля
В. Бредель. Шпик
В. Шишков. Расстрел
А. Дроздов. Кокцидиоз
А. Аросев. Беседы и встречи с нашими друзьями
в Европе
Вл. Файдыш. Октябрь 1917 г. в Замоскворечье
И. Ильф. Е. Петров. Сильное чувство
С. Штрайх. Русская нигилистка в Парижской ком-
муне
Ж.-Р. Блок. Сибилла
Б. Ясенский. Мужество
М. Колосов. Черты характера
Стихи и песни о Сталине. Сост. А. Чачиков
И. Шухов. Елизар Дыбин
Л. Стерн. Сентиментальное путешествие
Л. Сейфуллина. Молодость
М. Голодный. Из новых стихов
Ф. Рабле. Детство Гаргантюа
С. Михалков. Стихи
-

Перечисленные книжки Библиотеки «Огонек» мож-
но получить в любом книжном магазине или киоске
Союзпечати.

На складе издательства названных книг не имеет-
ся и заказы на высылку не исполняются.

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

ДЕКАМЕРОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

ГЕОРГИЙ ДЛИНЬЕ

В КОМПЬЕНСКОМ ЛЕСУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

А СЕРАФИМОВИЧ

СЕРЕЖА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

БАНЩИК И ПРОФЕССОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

МАРК ТВЭН

БАНКОВЫЙ БИЛЕТ

Рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

МАРК КОЛОСОВ

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

ИЛЬФ И ПЕТРОВ

ЧУВСТВО МЕРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

ЕФИМ ТОЗУЛИ

НОВЕЛЛЫ

в 2 томах

„ТЫ С Я Ч А“

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

ЖАН-РИШАР БЛОК

СИБИЛЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА»
М. 1935

Цена 20 коп.

с тип
график.

1-80
2915/524

**Открыт прием подписки на 1936 год
НА «ОГОНЕК» И «БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК»**

Подписная цена: Журнал «ОГОНЕК» (36 номеров в год):
12 мес.—16 р., 6 мес.—8 р., 3 мес.—4 р.

Б-ка «ОГОНЕК» (72 кн. в год): 12 мес.—12 р., 6 мес.—6 р.,
3 мес.—3 р.

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6,
Страстной бульвар, 11, Жургазоб'единение или сдавайте
инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. Под-
писка также принимается повсеместно почтой и Отде-
лениями Союзпечати.

Журнально-газетное об'единение